

12+

Катерина Пшонка

Молитва во тьме

*Тьма всегда
требуется свою
плату...*

Катерина Пшонка

**Молитва во тьме. Тьма
всегда требует свою плату...**

«Издательские решения»

Пшонка К. С.

Молитва во тьме. Тьма всегда требует свою плату... /

К. С. Пшонка — «Издательские решения»,

Когда-то отец спас свою дочь с помощью чёрной магии, не подозревая, что за каждый такой выбор приходит расплата. Спустя годы Аглае предстоит пройти через настоящий ад, чтобы спасти души своих детей и всего своего рода. Но что, если всё произошедшее было лишь сном? И почему тогда она помнит молитвы, которых никогда не учила? Мистическая история о любви, вере, выборе и цене, которую порой приходится платить за спасение близких.

© Пшонка К. С.

© Издательские решения

Содержание

Молитва во тьме	6
Глава 2	18
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Молитва во тьме Тьма всегда требует свою плату...

Катерина Сергеевна Пшонка

© Катерина Сергеевна Пшонка, 2026

ISBN 978-5-0070-7589-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Молитва во тьме

Катерина Пшонка

Глава 1

1900 год

Это было время, когда детская смертность считалась страшной, но привычной частью жизни. В деревнях и небольших городах дети часто не доживали даже до юности: болезни приходили внезапно, врачи не всегда могли помочь, а родители жили в постоянном страхе потерять ребёнка. В каждом доме знали, что такое лихорадка, горячка или внезапная болезнь, способная забрать человека за одну ночь.

На улице стоял лютый мороз. Воздух звенел, будто стекло — вдохнёшь, и лёгкие режет. Снег падал густыми хлопьями, ложился на шапки, на плечи, на землю, уже заваленную сугробами выше колена. Фонари подрагивали от ветра, их тусклый свет терялся в белой мгле.

Василий Иванович бежал, пригибаясь, чтобы снег не бил в лицо. Из рта вырывался густой пар, сапоги скользили по утопанному льду, а полы длинного пальто хлестали по ногам.

— Держись, Аглая... держись, доченька... — шептал он, сжимая под мышкой шляпу.

На повороте он чуть не упал — каблук скользнул по льду, но Василий удержался. Сердце колотилось так сильно, будто хотело вырваться из груди. За углом уже виднелась больница — жёлтый свет окон казался островком тепла среди ледяной ночи.

Он ворвался внутрь, тяжело дыша. На пол осыпался снег с его пальто. В коридоре пахло лекарствами, спиртом и свечным воском.

— Фёдор! — голос сорвался. — Фёдор Алексеевич!

За столом поднял голову высокий мужчина в белом халате. Лицо у него было усталое, но внимательное. Увидев Василия, он сразу поднялся.

— Василий Иванович?.. Что случилось?

— Аглае плохо... — слова давались тяжело. — Сильный жар... бредит... не приходит в себя...

Фёдор Алексеевич сразу посерьёзnel.

Они были знакомы много лет. В те времена хороший врач в округе становился почти частью семьи для многих людей. Фёдор не раз бывал в доме Василия — раньше болезни уже приходили в их семью, и врач хорошо помнил, как тяжело Василий переживал каждую потерю. Потому сейчас, увидев его лицо, он понял: дело серьёзное.

— С каких пор ей плохо? — быстро спросил Фёдор, подходя ближе.

— С вечера... — Василий нервно сжал шляпу. — Всё произошло внезапно. Ещё днём смеялась, разговаривала... а потом побледнела и упала.

Фёдор положил руку ему на плечо.

— Спокойнее. Сейчас поедem.

— Федя... — голос Василия дрогнул. — Я больше не выдержу, если и с ней что-то случится...

Врач на мгновение отвёл взгляд.

— Не думай сейчас об этом. Пока я рядом — будем бороться.

Он быстро взял со стола кожаную сумку, накинул шинель.

— Где Аглая?

— Дома.

— Тогда идём скорее.

Они вышли обратно в метель. Ветер тут же ударил в лицо, снег закружился вокруг.

— Она кашляла? — спросил Фёдор на ходу.

— Нет.

— Горло болело? Озноб был?

— Ничего не было! — почти с отчаянием ответил Василий. — Всё случилось слишком быстро...

Фёдор нахмурился.

— В последнее время я видел странные болезни. Иногда человек сгорает в жару за сутки, и даже понять причину сразу невозможно.

— Только не Аглая... — тихо проговорил Василий.

Фёдор ничего не ответил, только ускорил шаг.

Когда они вошли в дом, в избе пахло дымом, прелыми дровами и тревогой. Лампа дрожала от сквозняка. Фёдор сбросил шинель и сразу подошёл к кровати.

На подушке лежала Аглая — бледная, почти прозрачная. Щёки, прежде румяные, теперь стали восковыми. Дыхание выходило тяжело, на лбу блестели капли пота.

Фёдор осторожно коснулся её лба.

— Господи... какая горячая...

— Спаси её, Федя, — тихо сказал Василий. — Прощу тебя... как брата.

Фёдор наклонился над девушкой. Осторожно приложил стетоскоп к её груди, долго слушал дыхание, потом — сердце. В комнате стояла такая тишина, что слышно было только потрескивание фитиля в лампе да тяжёлое дыхание Аглаи.

Василий не сводил с врача глаз.

— Ну что?.. — тихо спросил он. — Что с ней?

Фёдор не ответил сразу. Он нахмурился, ещё раз приложил руку ко лбу девушки, затем медленно выдохнул.

— Лёгкие чистые... — наконец произнёс он негромко. — Ни кашля, ни хрипов. Простуды тоже нет.

— Тогда отчего такой жар? — голос Василия дрогнул.

Фёдор покачал головой.

— Не понимаю... Тело будто здорово, но жар... словно огонь внутри.

Аглая вдруг тихо застонала. Её ресницы дрогнули, губы едва заметно шевельнулись.

— Папа... — прошептала она хрипло. — Не уходи... темно...

Василий тут же подошёл ближе. Опустился возле кровати на колени и осторожно взял дочь за руку.

Рука была настолько горячей, что он невольно вздрогнул.

— Я здесь, доченька, — быстро заговорил он, с трудом сдерживая дрожь в голосе. — Слышишь меня? Я рядом... никуда не уйду...

Аглая словно попыталась открыть глаза, но снова провалилась в забытьё.

Василий посмотрел на Фёдора.

— Она меня даже не узнаёт... Господи...

— Узнаёт, — тихо ответил врач. — Просто горячка забирает силы.

Он открыл свою сумку, достал маленький стеклянный пузырёк и чистую тряпицу. Смочив её лекарством, аккуратно положил компресс на лоб девушки.

— Это должно немного сбить жар.

— Должно?.. — Василий резко поднял голову. — Федя, не пугай меня этими словами.

Фёдор устало посмотрел на него.

— Я не пугаю. Я говорю правду. Сейчас ей нужен покой и тепло. Вот это лекарство давай каждые два часа.

Он протянул небольшой флакон.

Василий взял его дрожащими руками.

— И она поправится?..

Фёдор замолчал.

За окном завыл ветер, будто кто-то провёл ладонью по стеклу.

— Если к утру жар не спадёт... — медленно сказал врач, — придётся искать причину не в теле.

Василий резко выпрямился.

— Что ты имеешь в виду?

Фёдор отвёл взгляд на дрожащую тень у стены.

— Бывают болезни, которые врач объяснить не может. Я видел такое однажды... человек словно угасает без причины.

— Нет, — Василий покачал головой. — Нет, только не начинай этого.

— Я ничего не утверждаю, — спокойно сказал Фёдор. — Но за годы практики понял: не всё на свете можно вылечить лекарствами.

Василий встал так резко, что стул скрипнул по полу.

— Ты же врач, Федя! Ты должен спасать, а не говорить загадками!

Фёдор тоже поднялся.

— А ты думаешь, мне легко это говорить?! — впервые в его голосе прозвучала жёсткость. — Я знаю твою семью много лет. Я помню, как приходил сюда раньше. Думаешь, я хочу снова смотреть, как ты теряешь ребёнка?

В комнате повисла тяжёлая тишина.

Василий медленно опустил голову.

— Прости... — хрипло сказал он. — Прости меня... я просто боюсь.

Фёдор подошёл ближе и крепко сжал его плечо.

— Я знаю.

На кровати Аглая снова тихо застонала.

И оба мужчины одновременно повернулись к ней.

Фёдор ещё раз посмотрел на Аглаю. Девушка тяжело дышала, будто каждый вдох давался ей через силу. Компресс на лбу уже почти высох, а жар, казалось, только усиливался.

За окном выл ветер. Старая изба тихо потрескивала от мороза.

Василий стоял у кровати, не сводя глаз с дочери.

— Она вся горит... — прошептал он. — Господи... за что...

Фёдор медленно закрыл свою сумку, но уходить не спешил. На лице врача была странная тревога, будто он хотел что-то сказать, но не решался.

Василий заметил это.

— Что?.. — резко спросил он. — Ты что-то понял?

Фёдор помолчал.

Потом тихо произнёс:

— Василий... ты ведь знаешь, что я человек не суеверный.

— К чему ты клонишь?

Врач тяжело выдохнул и устало провёл рукой по лицу.

— За годы работы я многое видел. Болезни, лихорадки, мор... Люди умирают — это жизнь. Но иногда... бывают случаи, которые я объяснить не могу.

Василий нахмурился.

— Федя, говори прямо.

Фёдор подошёл ближе и понизил голос, будто боялся, что стены услышат.

— На краю посёлка живёт старуха... баба Нюра.

Василий сразу поднял на него взгляд.

— Ведьма?.. Ты о ней?

— Тише ты, — Фёдор нервно посмотрел на окно. — Люди разное говорят.

— И ты веришь в эти сказки?

Фёдор усмехнулся, но как-то горько.

— Я врач, Василий. Меня учили верить в кровь, в лихорадку, в лекарства. Не в шёпоты старух и заговоры.

Он на секунду замолчал, глядя на Аглаю.

— Но... — продолжил он тихо, — я слишком многое повидал, чтобы теперь смеяться над всем подряд.

Василий медленно выпрямился.

— Что ты хочешь сказать?

— Иногда к ней приходили люди, когда врачи уже не могли помочь. И... некоторые потом выздоравливали.

— Совпадение.

— Возможно.

— Или травы.

— Может быть и так, — спокойно ответил Фёдор. — Она знает травы лучше любого аптекаря. Старые настои, отвары... Чёрт знает что ещё.

В комнате снова стало тихо.

Лампа дрогнула от сквозняка. Тень на стене качнулась, будто живая.

Василий посмотрел на дочь. Аглая тяжело дышала, её губы были бледными, а ресницы дрожали во сне.

— Ты сам слышишь, что говоришь? — прошептал он. — Ты... врач.

Фёдор опустил глаза.

— Потому и говорю тихо.

Он подошёл к окну, несколько секунд смотрел в снежную темноту, а потом произнёс:

— Если бы я видел хоть какую-то понятную причину болезни — я бы остался здесь до утра и лечил её сам. Но я не понимаю, что с ней происходит.

— И ты предлагаешь мне идти к ведьме?..

— Я предлагаю тебе не терять время.

Василий резко отвернулся, сжимая кулаки.

— Господи... до чего мы дошли...

— Послушай меня, — Фёдор подошёл ближе. — Я не говорю, что верю во всё это. Может, старуха просто умеет лечить травами лучше других. Может, дело только в этом.

Он посмотрел на Аглаю.

— Но сейчас медицина бессильна.

Эти слова прозвучали тяжело.

Василий медленно сел на стул возле кровати и закрыл лицо руками.

— Я уже терял детей, Федя... — глухо сказал он. — Я больше не выдержу.

Фёдор долго молчал.

Потом тихо ответил:

— Именно поэтому я и сказал тебе про неё.

За окном ветер вдруг ударил в ставни так сильно, что Василий вздрогнул.

Фёдор надел шинель.

— Решай сам. Но если пойдёшь — иди сегодня. Такие вещи не ждут до утра.

— А ты?.. — тихо спросил Василий.

Врач задержался у двери.

— Я приду снова на рассвете. Проверю её.

Он помолчал и добавил уже совсем тихо:

— И, Василий... что бы ты ни решил... не вини себя. Ты отец. Ты пытаешься спасти дочь.

Фёдор ушёл далеко за полночь. Дверь за ним тяжело закрылась, и в доме сразу стало будто пусто. Только ветер скребся в ставни да тихо потрескивали дрова в печи.

Василий сидел возле кровати дочери, сгорбившись, не снимая пальто. Лампа горела тускло, бросая дрожащий свет на лицо Аглаи.

Она тяжело дышала и иногда тихо стонала во сне.

— Папа... холодно... — едва слышно прошептала девушка.

Василий тут же наклонился к ней.

— Нет, нет, доченька... сейчас... сейчас...

Он поправил одеяло, осторожно убрал мокрые волосы с её лба.

Рука снова обожгла его жаром.

— Господи... — выдохнул он. — Да что же это такое...

Аглая задышала тревожнее, будто ей снился кошмар.

— Не отдавай меня... — прошептала она сквозь бред.

У Василия сжалось сердце.

Он встал и нервно прошёлся по комнате. Потом остановился возле иконы в углу.

— Господи... — тихо проговорил он. — Ты же видишь... я всё готов отдать... только не её...

Но ответа не было. Только ветер гудел в трубе.

Слова Фёдора не выходили из головы.

«На краю посёлка живёт баба Нюра...»

Василий резко зажмурился.

— Нет... нет... грех это...

Он снова посмотрел на Аглаю.

Девушка вдруг тихо вскрикнула во сне и заметалась по подушке.

— Папа!.. темно... страшно...

Василий тут же бросился к ней.

— Я здесь! Слышишь? Здесь я!

Он взял её за руку — горячую, почти невыносимо горячую.

И в этот момент что-то внутри него сломалось.

Страх оказался сильнее сомнений.

Он медленно поднялся, долго стоял неподвижно, потом тяжело надел шляпу и пальто.

Перед уходом снова подошёл к иконе.

Рука дрожала, когда он перекрестился.

— Господи, прости... — прошептал он. — Если нельзя... всё равно пойду. Я отец...

Он вышел в ночь.

Мороз ударил в лицо сразу, будто ножом. Снег перестал идти, но под ногами хрустел так громко, словно отзывался на каждый шаг.

Ночь стояла глухая и мёртвая.

Луна висела низко, мутная, как старое олово. Дым из труб стелился по земле, а ветер тянулся между домами жалобным воем, похожим на детский плач.

Василий шёл быстро, не оглядываясь.

Иногда ему казалось, будто кто-то смотрит из тёмных окон.

— Господи, сохрани... — шептал он на ходу.

На окраине посёлка дома становились реже. Дорога сузилась, сугробы здесь были почти по колено.

Впереди, за последней избой, показался маленький покосившийся дом.

Окна были заклеены бумагой, крыша просела под снегом. Только в одном окне теплился тусклый жёлтый свет.

Василий остановился.

Сердце вдруг забилось так сильно, что стало трудно дышать.

Он вспомнил рассказы о бабе Нюре — как к ней ходили тайком, как потом люди старались не вспоминать об этом вслух.

Ветер резко ударил в спину, будто подталкивая к дому.

— Может, ещё не поздно уйти... — прошептал он сам себе.

Но перед глазами тут же возникло лицо Аглаи — бледное, измученное жаром.

Василий крепко сжал кулаки.

— Нет... ради неё...

Он медленно перекрестился, хотя рука заметно дрожала.

— Господи, прости меня... если это грех... прости...

И пошёл к двери.

Он постучал в дверь.

Костяшки пальцев глухо ударили по старому дереву, и звук будто растворился в ночной тишине.

Никто не ответил.

Василий тяжело сглотнул и постучал снова — громче.

Внутри что-то тихо скрипнуло. Послышался шорох, медленные шаги, будто кто-то нарочно не спешил открывать.

Половицы протяжно застонали.

Дверь приоткрылась.

На пороге стояла баба Нюра.

Маленькая, сухонькая, сгорбленная. Старый тёмный платок почти полностью скрывал её волосы. Лицо было сморщенным, как высохшее яблоко, а глаза — тёмные, внимательные — смотрели так, будто видели человека насквозь.

Несколько секунд она молчала.

Только ветер шевелил край её платка.

— Чего пришёл, Василий Иванович? — наконец проговорила старуха.

Голос у неё был низкий, хриловатый, почти не женский.

Василий почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Дочь... — выдавил он. — Аглая... умирает.

Нюра даже не удивилась.

Только чуть прищурилась.

— Врачи не помогли?

— Фёдор был у нас. Сказал... сказал, не понимает, что с ней.

Старуха медленно кивнула, будто слышала именно то, чего ждала.

— А сам-то ты понимаешь, к кому пришёл?

Василий опустил взгляд.

— Понимаю.

— Нет, не понимаешь, — тихо ответила Нюра. — Люди вроде тебя всегда думают, что это просто травы да шёпот над водой.

Она сделала шаг ближе.

От неё пахло дымом, сушёными травами и чем-то горьким, незнакомым.

— А потом всю жизнь бояться вспоминать эту ночь.

Василий тяжело сглотнул.

За его спиной ветер завыл сильнее.

— Мне всё равно, — хрипло сказал он. — Только помоги ей.

Нюра долго смотрела ему в лицо.

Потом вдруг спросила:

— Любишь сильно?

Василий нахмурился.

— Что за вопрос?..

— Ответь.

Он сжал кулаки.

— Она моя дочь.

— Это не ответ.

Несколько секунд Василий молчал.

Потом глухо произнёс:

— После того как Господь забрал остальных детей... она одна у меня осталась.

Что-то едва заметно дрогнуло в глазах старухи.

— Помню, — тихо сказала она. — Тяжёлый у тебя дом... смерть дорогу туда знает.

Василий резко поднял голову.

— Не говори так!

— А как говорить? — спокойно ответила Нюра. — Я правду вижу.

Она снова посмотрела куда-то мимо него, в темноту ночи.

— И над девкой твоей тень стоит.

У Василия похолодели руки.

— Ты можешь её спасти или нет?

Старуха не ответила сразу.

Только медленно отступила вглубь дома.

— Заходи.

Василий переступил порог.

Внутри было душно и жарко, будто печь топили без остановки несколько суток. Воздух был тяжёлым от запаха трав, копоти, воска и чего-то терпкого, почти сладкого.

По углам висели пучки сушёных растений. На полках стояли баночки с мутными настоянками, старые пузырьки, мешочки с травами.

На столе горели свечи.

Рядом лежали старые карты, чёрная книга с потрескавшейся обложкой, какие-то кости и черепки животных.

У стены стоял старый закопчённый образ.

Василий невольно перекрестился.

Нюра заметила это и усмехнулась краем губ.

— Поздно креститься, Василий Иванович.

Он медленно повернулся к ней.

— Скажи цену сразу.

Старуха подошла к столу и начала перебирать сухие травы длинными тонкими пальцами.

— Деньги мне не нужны.

— У меня есть земля.

— Не нужна мне твоя земля.

— Тогда что?..

Нюра подняла глаза.

Свечи отразились в её тёмных зрачках.

— За такие вещи всегда платят не золотом.

Василий почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Я готов.

— Не спеши говорить.

Она медленно подошла ближе.

— Иногда человек платит не сразу. Иногда спустя годы. Иногда — не он сам.

— Мне всё равно, — перебил он. — Только спаси её.

Старуха долго смотрела на него.

И вдруг тихо спросила:
— А если цена окажется выше, чем ты думаешь?
Василий закрыл глаза на секунду.
Перед ним снова возникло лицо Аглаи — бледное, горячее от жара.
Он открыл глаза.
— Я отец, — тихо сказал он. — У меня нет выбора.
Нюра тяжело выдохнула, будто приняла решение.
— Ладно... — тихо сказала она. — Посмотрим.
Она подошла к столу и медленно раскрыла чёрную книгу. Страницы были тёмные, будто пропитанные временем. Свечи дрогнули, когда она провела над ними рукой.
— Сядь, — коротко бросила она Василию.
— Что ты будешь делать?.. — настороженно спросил он.
— Не разговаривай. Сиди.
Василий сел на край лавки, напряжённый, как струна. Шляпу он держал в руках, сжимая так сильно, что побелели пальцы.
Баба Нюра зажгла ещё одну свечу. Потом ещё.
Комната наполнилась тусклым, неровным светом.
Она начала шептать.
Слова были странные — не молитва и не речь, больше похоже на шорох ветра между стен.
Василий невольно перекрестился.
— Не мешай, — резко сказала старуха, даже не оборачиваясь.
Он замер.
— Прости... — тихо ответил он.
Нюра цокнула языком, будто недовольная, но продолжила обряд.
Она посыпала на стол сухие травы, провела рукой над огнём свечи, и пламя на мгновение стало чёрным.
Василий вздрогнул.
— Господи...
Старуха резко повернулась.
— Я сказала: не мешай.
Он кивнул и опустил взгляд.
Некоторое время в избе слышался только её шёпот.
Потом вдруг всё стихло.
Свечи перестали дрожать.
Нюра замерла.
Несколько секунд она просто смотрела в одну точку, будто слушала что-то, чего Василий не мог услышать.
— Ну?.. — не выдержал он. — Что с ней?
Старуха медленно подняла голову.
И спокойно сказала:
— К сожалению, светлые силы говорят, что её время пришло. Нужно смириться.
Василий словно не сразу понял смысл слов.
— Что?.. — он встал. — Что ты сказала?..
— Ты слышал, — холодно ответила Нюра.
Тишина стала тяжёлой.
— Нет... — Василий шагнул ближе. — Нет, ты не понимаешь... она же просто ребёнок... ты не можешь просто сказать «смириться»...
Голос его сорвался.
— Это всё?.. Это всё, что ты можешь?!

Он резко опустился на колени прямо посреди комнаты.

Шляпа выпала из рук.

— Пожалуйста... — хрипло выдавил он. — Пожалуйста, сделай что-нибудь... я заплачу... я всё отдам...

Он сжал шляпу в руках так, будто это была последняя опора.

— Умоляю тебя... она у меня одна...

Голос сорвался на отчаянный шёпот.

— Я уже терял... я больше не могу...

Баба Нюра долго молчала.

Потом медленно обошла стол.

— Встань.

— Нет... — Василий покачал головой. — Пока ты не скажешь, что можешь её спасти...

Старуха вздохнула.

— Ты упрямый, как и все отцы.

Она наклонилась к нему чуть ближе.

— Есть одно средство.

Василий резко поднял голову.

— Говори!

Нюра посмотрела на него долго.

Потом тихо сказала:

— Тёмная магия.

Василий напрягся.

— Я не...

— Слушай, — перебила она резко. — Не перебивай.

Она выпрямилась.

— Это опасно. Очень.

— Мне всё равно.

— Не всё равно будет потом, — холодно сказала она.

Василий стиснул зубы.

— Что нужно сделать?

Старуха медленно обошла стол, пальцы скользили по свечам.

— Я не знаю точно, как это сработает.

— Как это — не знаешь?!

— Потому что такие вещи не подчиняются людям, — спокойно ответила она. — Они... берут своё сами.

Василий встал.

— Говори прямо!

Нюра остановилась.

И после паузы произнесла:

— Плата будет.

— Какая плата?

Она посмотрела на него тяжело.

— Душа.

Василий побледнел.

— Чья?..

Старуха пожала плечами.

— Может твоя. Может её. Может кого-то из рода. Может через годы... может через века.

Она чуть склонила голову.

— Я не решаю. Это не торговля. Это долг.

Василий стоял неподвижно.

— Ты... ты сейчас серьёзно это говоришь?..

— Я никогда не шучу такими вещами.

Он сделал шаг назад.

— Это безумие...

— Это выбор, — спокойно ответила она. — Ты пришёл сюда сам.

Василий закрыл глаза.

В комнате стало так тихо, что было слышно, как трещит свеча.

Потом он тихо спросил:

— И... если я соглашусь?

Нюра долго смотрела на него.

— Тогда начнём. Василий долго молчал.

Слова старухи ещё звучали в голове — про цену, про душу, про долг, который может вернуться через годы. Он стоял неподвижно, будто внутри него шла борьба, которую никто не видел.

— Приступай... — наконец хрипло сказал он.

Нюра прищурилась.

— Ты понимаешь, на что соглашаешься?

— Я сказал — делай, что нужно, — резко ответил он. — У меня нет времени на разговоры.

Старуха несколько секунд смотрела на него, потом вдруг усмехнулась — коротко, почти довольным смешком.

— Вот так и приходят все... сначала дрожат, потом торопят.

Она развернулась к столу.

— Хорошо.

В её голосе появилась странная оживлённость, будто она только этого и ждала.

— Тогда не мешай.

Василий медленно отступил к стене.

— Только... — он запнулся. — Только скажи мне, она точно будет жить?

Нюра не обернулась.

— Я сказала: приступаем.

— Это не ответ.

Старуха резко повернула голову.

— В этом деле нет ответов, Василий Иванович. Есть только шаги.

Он сжал кулаки, но промолчал.

Баба Нюра открыла старый сундук и начала доставать предметы один за другим.

— Это что?.. — настороженно спросил Василий.

— То, что ты сам выбрал, когда вошёл сюда, — спокойно ответила она.

На стол легли маленькие черепа животных, тёмные мешочки, связки сухих трав. Потом появилась чёрная книга — тяжёлая, будто сырая.

Василий невольно отступил ещё на шаг.

— Господи...

— Не зови Его здесь, — холодно бросила Нюра. — Ему это не нравится.

Она развернула книгу.

Страницы были исписаны странными знаками.

— И последнее... — пробормотала она.

Старуха взяла маленькую чашу с тёмной жидкостью.

— Это... кровь? — глухо спросил Василий.

— Не твоя забота, — отрезала она.

Он резко шагнул вперёд.
— Послушай меня внимательно. Если ты врёшь...
— Я? — перебила Нюра и медленно подняла на него глаза. — Я тебе ничего не обещаю, Василий Иванович. Ты сам пришёл за невозможным.
Тишина стала тяжёлой.
Из печи донёсся треск.
— А теперь слушай, — продолжила она уже спокойнее. — Ты должен уйти.
— Что?..
— Выйди.
— Я останусь.
Старуха резко стукнула ладонью по столу.
— Нет. Ты мешаешь.
Василий сжал зубы.
— Я не оставлю тебя одну с этим.
Нюра наклонилась к нему ближе.
— Ты уже оставил всё самое важное. Теперь иди.
Он стоял ещё несколько секунд.
Потом медленно кивнул.
— Если с ней что-то случится...
— Иди, — перебила она.
Он развернулся.
— Василий Иванович! — окликнула старуха уже тише.
Он остановился, не оборачиваясь.
— Назад пути не будет, — сказала она.
Он сжал кулаки.
— Я уже его прошёл.
И вышел.
Дверь за ним закрылась с глухим, тяжёлым скрипом.
Снаружи ударил мороз.
Ветер завыл так резко, будто кто-то рассмеялся в темноте.
Василий на мгновение застыл на крыльце.
Потом перекрестился — быстро, почти судорожно.
— Господи... — прошептал он. — Спаси её...
И пошёл прочь по сугробам, не оглядываясь.
Снег хрустел под ногами громко, как чужие шаги позади.
И ему казалось, что ночь действительно смотрит ему в спину.
Василий шёл быстро, почти не разбирая дороги. Снег хрустел под ногами, ветер бил в лицо, но он этого уже не чувствовал. Щёки были мокрые — слёзы текли сами, горячие и злые, сразу остывая на морозе.
— Держись... — хрипло шептал он, ускоряя шаг. — Доченька... держись...
Он сжимал кулаки так сильно, что ногти впивались в ладони.
— Я всё сделал... всё... — пробормотал он сам себе. — Ты должна выжить... должна...
И в этот момент ему показалось, что за спиной кто-то идёт.
Раздался один хруст, а потом ещё один. Василий резко остановился и, не сразу решаясь, повернул голову назад, но там было пусто, только тёмная дорога, сугробы и бледный свет луны.
Он выдохнул с дрожью:
— Господи... я с ума схожу...

Провёл рукой по лицу, вытер слёзы и снова пошёл, но уже через несколько шагов ощущение вернулось, будто кто-то снова шёл рядом, слишком близко, и от этого становилось невыносимо тяжело дышать.

Он резко обернулся.

— Я сказал, кто там?! — голос сорвался.

Но никого не было, только тени домов да ветер, тянущийся между крышами.

Василий отступил назад, сердце билось так, будто сейчас вырвется из груди.

— Нет... нет... это просто страх... — прошептал он сам себе. — Просто страх...

Он снова пошёл, теперь почти бегом.

— Аглая... держись... — вырывалось у него на каждом вдохе. — Доченька... я рядом... я всё сделал...

Он спотыкался о сугробы, но не останавливался.

— Ты не имеешь права... умирать... слышишь?.. — говорил он в пустоту. — Не имеешь...

Он резко остановился, хватая воздух.

— Я не позволю... — прошептал он тише, почти беззвучно. — Я не позволю... я же твой отец...

И снова сорвался с места, будто убегая от самой мысли остановиться.

Снег летел из-под сапог, дыхание рвалось, а внутри всё сжималось от страха и надежды одновременно.

— Только живи... пожалуйста... только живи... — повторял он, уже не разбирая слов.

И чем ближе становился дом, тем сильнее ему казалось, что сама ночь идёт за ним следом — тихая, терпеливая и слишком уверенная.

Глава 2

Василий вернулся домой уже под утро. Снег под ногами стал мягче, будто и сама ночь устала вместе с ним. Над избами медленно поднимался туманный рассвет — серый, холодный, бесцветный. Дым из труб стелился низко над землёй, а воздух был неподвижный и тяжёлый.

Он шёл медленно, словно за эту ночь постарел на несколько лет. Руки дрожали от холода и напряжения. Перед глазами всё ещё стояла изба бабы Ньюры, её тёмные глаза и слова про цену, которую придётся заплатить.

— Господи... что же я наделал... — едва слышно прошептал он.

Но тут же сам себе ответил:

— Нет... я спасал её... я не мог иначе...

Он поднялся на крыльцо и осторожно открыл дверь.

В доме было холодно. Печь почти остыла, и в воздухе чувствовался запах золы и сырого дерева. Лампа давно погасла. Василий вошёл тихо, стараясь никого не разбудить, хотя в доме и без того стояла мёртвая тишина.

Он медленно снял шляпу и пальто. Пальцы плохо слушались от усталости. Потом прошёл в комнату Аглаи.

Девушка лежала так же неподвижно. Лицо её было бледным, почти белым, как снег за окном. Ресницы едва заметно дрожали, дыхание оставалось тяжёлым.

Василий замер возле кровати и несколько секунд просто смотрел на дочь.

— Доченька... — прошептал он. — Только бы не поздно...

Он тяжело опустился рядом и осторожно коснулся её руки. Жар всё ещё был сильным, и от этого внутри снова поднялся страх.

— Господи... пусть хоть это будет не зря...

Он положил голову на край кровати и закрыл глаза. Сил больше не осталось.

Василий даже не пытался думать о том, что именно сделал этой ночью и чем это может однажды обернуться. Сейчас его волновало только одно — чтобы Аглая выжила.

— Пусть потом будет что угодно... только не забирай её... — пробормотал он сквозь усталость.

Сам не заметив как, он уснул.

Сон пришёл почти сразу — тяжёлый, липкий, тревожный. Ему снилось, будто он снова идёт по ночной дороге. Вокруг стоял густой туман, а под ногами вместо снега была чёрная вода. Он шёл всё быстрее, чувствуя, что за ним кто-то наблюдает.

Потом послышались шаги. Медленные, тяжёлые, они становились всё ближе, будто кто-то намеренно не спешил, зная, что догонит его в любом случае.

Василий ускорил шаг. Сердце колотилось так сильно, что становилось трудно дышать. Он хотел обернуться, но не мог заставить себя это сделать.

Шаги приблизились почти вплотную.

Он сорвался на бег.

— Кто здесь?! — закричал он во сне.

Ответа не было. Только ощущение чужого присутствия за спиной.

И вдруг кто-то схватил его за плечо.

Василий дёрнулся, пытаясь вырваться.

— Нет!.. нет!..

А потом прямо над самым ухом раздался голос. Низкий, холодный, чужой.

— Ты продал души своего рода...

У Василия внутри всё оборвалось. Он резко вздрогнул во сне, но проснуться не смог, будто что-то удерживало его между сном и явью.

И вдруг сквозь этот кошмар он услышал другой звук. Очень тихий. Будто кто-то пошевелился рядом.

Потом послышалось спокойное дыхание, такое ровное и живое.

Василий медленно открыл глаза. Сначала он не понял, где находится. Сердце всё ещё бешено колотилось после сна.

Он поднял голову.

Аглая сидела на кровати.

Щёки её снова порозовели, глаза блестели, а дыхание стало спокойным, словно болезни никогда и не было.

Она смотрела на него растерянно и сонно.

— Папа?.. — голос был слабым, хриплым, но живым. — Почему ты плачешь?

Василий не сразу понял смысл её слов. Только почувствовал, как по щекам действительно текут слёзы.

Он смотрел на дочь так, будто боялся моргнуть.

— Аглая... — выдохнул он дрожащим голосом. — Господи... слава тебе... ты жива...

Он резко поднялся и обнял её так крепко, словно боялся, что она исчезнет.

— Доченька... ты жива...

Аглая слабо улыбнулась.

— Папа... мне больно... ты слишком крепко...

Он тут же отпустил её и закрыл лицо руками. Слёзы текли сами собой.

— Прости... Господи... прости...

Аглая смотрела на него с тревогой.

— Что случилось?.. Почему ты здесь?.. Я помню только темноту...

Василий поднял на неё глаза, и в этот момент внутри него впервые шевельнулся настоящий страх.

Потому что слова из сна всё ещё звучали у него в голове.

«Ты продал души своего рода...»

Аглая слабо улыбнулась и медленно потянулась, будто проснулась после очень долгого и тяжёлого сна. Она всё ещё выглядела слабой, но в глазах уже появилась жизнь.

— Мне снилось, будто я тонула во тьме, — тихо сказала она. — Там было очень холодно... и страшно... Я будто падала всё глубже и глубже...

Василий молча слушал, боясь даже пошевелиться.

— А потом... — продолжила Аглая и нахмурилась, словно пытаясь вспомнить сон точнее, — будто кто-то вытащил меня за руку.

Она замолчала на секунду.

— Но рука была чёрная... как из пепла...

У Василия по спине пробежал холод.

Пальцы сами собой сжались.

Перед глазами снова вспыхнула ночь, изба бабы Нюры, свечи и слова про цену.

Но он тут же заставил себя отогнать эти мысли.

— Это просто сон, доченька, — быстро сказал он, хотя голос прозвучал напряжённо. — После такого жара ещё и не такое приснится может.

Аглая посмотрела на него внимательно.

— Папа... ты чего-то боишься?

— Нет, — слишком быстро ответил он. — Нет... просто перенервничал.

Он поднялся с кровати и нервно провёл рукой по лицу.

— Тебя должен осмотреть Фёдор Алексеевич. Обязательно. Болезнь отступила, это главное, но всё равно нужно проверить лёгкие, сердце... всё проверить.

Аглая тихо кивнула.

— Хорошо...

Василий отвернулся к окну.

Внутри него всё ещё шевелился страх, но разум упрямо пытался найти другое объяснение.

«Это совпадение», — начал убеждать он сам себя. — «Аглая просто переболела. Организм справился. А баба Нюра...»

Он нахмурился.

«Что она вообще сделала? Ничего. Только напугала меня своими разговорами. Может, как только я ушёл, она просто сидела в своей избе и смеялась над глупым испуганным человеком».

Он тяжело выдохнул.

«И сон этот страшный тоже из-за неё. Из-за того, что я поверил во всю эту чушь».

Василий снова посмотрел на дочь и она была живая, тёплая и дышит спокойно.

И от этого ему стало легче.

— Да... — пробормотал он себе под нос. — Именно так. Просто болезнь прошла... и всё...

Он будто нарочно цеплялся за эти мысли, стараясь не вспоминать чёрную книгу, кровь в чаше и голос старухи.

«Никакая она не спасительница», — упрямо подумал он. — «Старая ведьма, которая умеет наводить ужас на людей».

В этот момент дверь в комнату тихо скрипнула.

На пороге появилась мать Аглаи с подносом в руках. Вид у неё был уставший, глаза покраснели от бессонной ночи.

— Василий, я принесла горячий отвар, может...

Она подняла взгляд на кровать и тут же замерла.

Поднос дрогнул в её руках.

Чашка выскользнула и с громким звоном разбилась о пол.

— Аглашенька!.. — вскрикнула она.

Женщина бросилась к кровати, едва не плача.

— Господи... Господи милостивый... да она тёплая!

Она схватила дочь за лицо, за руки, будто боялась, что это исчезнет.

— Мам... — слабо улыбнулась Аглая. — Не плачь...

Но мать уже не могла остановиться. Слёзы текли по её щекам, она целовала дочь в лоб, в руки, повторяя дрожащим голосом:

— Живая... живая... Господи, спасибо тебе... спасибо...

Дом ожил почти сразу.

Ещё недавно в нём стояла тяжёлая тишина, наполненная страхом и ожиданием беды, а теперь комнаты снова наполнились голосами. Мать Аглаи плакала от счастья, то обнимая дочь, то крестясь на икону. Кто-то уже растапливал печь сильнее, кто-то сутился на кухне.

В доме снова появилась жизнь.

Аглая сидела за столом, укутанная в тёплый платок. Перед ней поставили горячий бульон, свежий хлеб и травяной отвар. Она ела медленно, всё ещё слабая после болезни, но на щеках уже играл румянец.

— Господи, да ты словно и не болела вовсе, — сквозь слёзы улыбалась мать, поправляя ей волосы. — Напугала нас всех до смерти...

Аглая тихо засмеялась.

— Я сама ничего не понимаю... будто просто очень долго спала.

Василий сидел чуть в стороне и молча наблюдал за дочерью.

И только теперь он заметил одну странность.

Её зрачки будто стали темнее, чем раньше. Совсем немного. Но иногда, когда она поднимала взгляд, ему казалось, будто в глазах отражается не обычный свет, а тяжёлое небо перед бурей.

От этой мысли внутри снова стало тревожно.

Но он тут же заставил себя отвернуться.

«Хватит», — мысленно одёрнул он себя. — «Ты уже сам себя пугаешь».

Аглая шутила, улыбалась, разговаривала с матерью, и всё выглядело так, будто болезнь действительно ушла без следа.

«Просто совпадение», — снова повторил себе Василий. — «Обычная болезнь. Обычная лихорадка. А я из-за страха уже начинаю видеть лишнее».

Он упрямо цеплялся за эти мысли, будто боялся, что если отпустит их, то снова услышит слова бабы Нюры.

Мать обняла Аглаю за плечи и прижала к себе.

— Больше не смей так пугать нас, слышишь?

Аглая улыбнулась, но вдруг её взгляд резко метнулся к окну.

Лицо побледнело.

Она вскрикнула так неожиданно, что все в комнате вздрогнули.

— Аглая! — мать тут же схватила её за руки. — Что случилось?!

Василий резко поднялся.

— Что ты увидела?!

Несколько секунд Аглая молча смотрела в окно широко раскрытыми глазами, будто действительно увидела там кого-то.

А потом вдруг нервно засмеялась и закрыла лицо рукой.

— Нет... ничего... простите...

— Аглая, не пугай нас так, — дрожащим голосом сказала мать.

Девушка тяжело выдохнула и покачала головой.

— Это всё сон... он всё ещё у меня в голове.

— Какой сон? — насторожился Василий.

Аглая посмотрела на окно и тихо проговорила:

— Мне на секунду показалось, будто там была та самая рука... которая вытащила меня из темноты.

В комнате стало тихо.

— Какая рука?... — осторожно спросила мать.

Аглая нахмурилась.

— Чёрная... словно в пепле...

Василий почувствовал, как по рукам снова побежали мурашки.

Но Аглая тут же улыбнулась, будто сама хотела разрушить эту тревогу.

— Да это просто после болезни, — быстро сказала она. — Сон слишком яркий был. Вот и кажется всякое. Это пройдёт обязательно.

Мать перекрестилась.

— Господи, не говори таких вещей...

Аглая виновато улыбнулась.

— Простите. Я правда просто испугалась.

Через некоторое время в доме снова слышались шаги. В прихожей открылась дверь, и в комнату вошёл Фёдор Алексеевич, стряхивая снег с шинели.

— Ну что тут у вас? — проговорил он с порога, устало улыбаясь. — Жива наша больная?

Когда он увидел Аглаю сидящей за столом, лицо его заметно изменилось.

— Ну вот... — выдохнул он с облегчением. — Слава Богу.

Он подошёл ближе и усмехнулся, качая головой.

— Ну ты, Аглая, всех напугала. Отец твой уже решил, что ты не переболеешь, а вон какие щёки красные.

Аглая тихо улыбнулась.

— Простите...

— Простите ей, — сразу сказала мать. — Главное, что живая.

Фёдор поставил сумку на стол и принялся осматривать девушку. Долго слушал дыхание, проверял пульс, задавал вопросы.

Василий всё это время стоял молча и внимательно следил за каждым движением врача.

Наконец Фёдор выпрямился.

— Ну что ж... — сказал он с лёгким удивлением. — Лёгкие чистые. Сердце работает ровно. Жара нет.

Он посмотрел на Василия и улыбнулся.

— Ваша дочь здорова.

В комнате сразу стало легче дышать.

Мать снова расплакалась, уже от радости, а Аглая засмеялась сквозь слёзы.

Только Василий улыбнулся не сразу.

Потому что где-то глубоко внутри тревога всё ещё не отпускала его.

Фёдор ещё раз посмотрел на Аглаю, затем медленно закрыл свою кожаную сумку и облегчённо выдохнул.

— Ну и напугали же вы меня этой ночью, — сказал он уже спокойнее. — Я, признаться, думал, что жар её так просто не отпустит.

Мать Аглаи снова перекрестилась.

— Слава Богу, всё позади...

— И правда, слава Богу, — кивнул Фёдор.

Он ещё немного постоял возле стола, а потом незаметно подошёл ближе к Василию. Наклонился чуть к нему, чтобы остальные не услышали, и тихо спросил:

— Василий Иванович... скажи честно... ты ходил к бабе Нюре?

У Василия внутри всё сжалось.

На одно короткое мгновение ему захотелось сказать правду.

Перед глазами сразу вспыхнула та ночь: тёмная изба, свечи, чёрная книга, кровь в чаше и странные слова старухи.

А потом он вспомнил сон.

«Ты продал души своего рода...»

По спине снова пробежал холод.

Но Василий тут же заставил себя подавить эти мысли.

«Нет», — упрямо сказал он сам себе. — «Нет. Это всё страх. Совпадение. Аглая просто переболела».

Он вдруг понял, что не хочет, чтобы кто-то ещё знал о той ночи. Не хотел даже произносить это вслух, будто сами слова могли сделать всё произошедшее настоящим.

«Никакой чёрной силы не было», — убеждал он себя. — «Старая ведьма просто напугала меня, а я от отчаяния поверил».

Василий медленно посмотрел на Фёдора и твёрдо ответил:

— Нет. Не ходил.

Фёдор внимательно смотрел ему в глаза.

Василий продолжил уже спокойнее:

— Я сначала хотел... а потом подумал, что не стоит. Остался дома. Молился всю ночь. Видимо, Господь услышал.

На несколько секунд Фёдор замолчал, а потом заметно расслабился.

— И правильно сделали, — тихо сказал он. — Иногда страх толкает человека не туда.

Василий кивнул.

— Да... теперь и сам понимаю.

Фёдор слегка улыбнулся и хлопнул его по плечу.

— Главное, что всё закончилось хорошо.

— Главное — Аглая жива, — ответил Василий.

Фёдор ещё раз посмотрел на девушку, которая уже разговаривала с матерью и тихо смеялась, словно болезни и не было вовсе.

— Вот и славно, — сказал врач с облегчением. — Значит, будем считать, что Господь отвёл беду.

Василий натянуто улыбнулся.

— Да... Господь отвёл...

Фёдор тихо усмехнулся:

— А ты уже, наверное, успел накрутить себе всякого?

Василий тоже попытался усмехнуться.

— Было немного...

— Ну вот и забудь, — махнул рукой Фёдор. — Иногда человек сам пугает себя сильнее любой болезнью.

Они негромко рассмеялись.

Но даже тогда, когда смех стих, Василий всё равно чувствовал внутри тяжёлую тревогу, которую теперь старался спрятать даже от самого себя.

Аглая сидела за столом вместе со всеми, улыбалась, отвечала на вопросы матери, даже тихо смеялась, но сон всё никак не выходил у неё из головы.

Перед глазами снова и снова возникала та тьма и та рука, такая чёрная, будто покрытая пеплом.

Она старалась не показывать тревогу, но иногда невольно поднимала взгляд к окну. Ей всё время казалось, будто за стеклом кто-то стоит. Не двигается. Просто наблюдает, ждёт.

От этой мысли внутри становилось холодно.

Аглая тут же отгоняла её.

«Это всё после болезни», — убеждала она себя. — «Слишком страшный сон. Вот и мерещится».

Она глубоко вдохнула и заставила себя улыбнуться матери.

«Нужно забыть», — решила она. — «Всё уже закончилось».

Тем временем Фёдор Алексеевич поднялся из-за стола и начал собираться.

— Ну что ж, — сказал он, застёгивая шинель. — Думаю, теперь я могу уйти спокойно.

Мать Аглаи сразу засуетилась.

— Фёдор Алексеевич, да как же мы вам благодарны...

Он только махнул рукой.

— Да бросьте. Главное, что девушка на ноги встала.

Потом он подошёл к Аглае и с лёгкой улыбкой погрозил ей пальцем.

— А вы, барышня, больше так не болейте. Не пугайте родителей.

Аглая тихо рассмеялась.

— Постараюсь.

— Постарайтесь обязательно, — усмехнулся Фёдор. — Вы у них самое ценное, что есть.

На этих словах мать снова едва не прослезилась.

Аглая улыбнулась уже теплее.

— Хорошо, Фёдор Алексеевич. Обещаю беречь себя.

— Вот и славно.

Все проводили врача до двери. Фёдор попрощался, ещё раз пожелал Аглае здоровья и вышел в морозное утро.

Когда дверь за ним закрылась, в доме снова стало тихо и спокойно.

Василий и Аглая ещё какое-то время сидели за столом. Девушка заметно устала, хотя и старалась этого не показывать.

Мать внимательно посмотрела на неё и мягко сказала:

— Аглашенька, тебе бы прилечь. Организм ещё слабый после такого жара.

Аглая сначала хотела возразить, но потом кивнула.

— Наверное... и правда устала немного.

Она поднялась из-за стола.

— Я немного полежу.

Мать заботливо поправила ей платок.

— Иди, доченька.

Аглая ушла в свою комнату, а через несколько минут в доме стало совсем тихо.

Света и Василий медленно вышли следом и прикрыли дверь, чтобы не шуметь.

Женщина посмотрела на мужа внимательным, настороженным взглядом.

— Василий...

Он поднял голову.

— Что?

— Что Фёдор шепнул тебе тогда?

У Василия внутри снова всё сжалось.

Перед глазами сразу мелькнули свечи, чёрная книга и лицо бабы Нюры.

По коже пробежали мурашки.

Но он тут же заставил себя успокоиться.

«Нет», — снова упрямо подумал он. — «Не нужно никому этого знать. Нечего ворошить».

Он понимал: если расскажет Свете про бабу Нюру, страх поселится и в её сердце тоже.

А Василий больше всего на свете хотел верить, что ничего страшного не произошло, что это действительно было обычное совпадение и никакой платы не существует.

Он отвёл взгляд и как можно спокойнее ответил:

— Да уже и не помню.

Света нахмурилась.

— Как это не помнишь?

Василий пожал плечами.

— Да ничего важного. О здоровье Аглаи спрашивал... о болезни. Всё как обычно.

Света ещё несколько секунд смотрела на мужа, будто чувствовала, что он что-то недоговаривает.

Но потом тихо выдохнула.

— Главное, что всё обошлось...

— Да, — быстро ответил Василий. — Главное — всё хорошо.

Он сказал это слишком уверенно, будто пытался убедить не жену, а самого себя.

Аглая медленно легла в постель и устало закрыла глаза. Тело всё ещё было слабым после болезни, но вместе с этим она чувствовала, как силы постепенно возвращаются к ней. Жар ушёл, дыхание стало лёгким, а в груди больше не было того тяжёлого ощущения, будто сама тьма держала её за сердце.

Она глубоко вдохнула и попыталась успокоиться. Но стоило ей закрыть глаза, как в памяти снова всплыла та самая рука, чёрная, словно покрытая пеплом. От этого воспоминания по коже пробежал холодок.

Аглая резко открыла глаза и нахмурилась.

— Нет... хватит... — тихо прошептала она сама себе.

Она не хотела больше вспоминать тот сон. Не хотела думать о темноте, о холоде, о странном ощущении, будто кто-то вытащил её обратно из самой смерти.

«Это просто бред после жара», — упрямо подумала она.

Аглая повернула голову к окну. За стеклом была обычная зимняя улица. Мороз укрыл всё белым снегом, ветер качал ветви деревьев, а по дороге медленно тянулся дым от печных труб. Всё выглядело спокойно и привычно.

Она вдруг поднялась с постели и подошла к окну ближе. Некоторое время просто смотрела на улицу, будто проверяя собственные страхи. Никого не было. Только снег, мороз и тихое зимнее утро.

Аглая медленно выдохнула и даже чуть улыбнулась самой себе.

— Вот видишь... — проговорила она шёпотом. — На улице холодно, никого там нет. Никто за мной не наблюдает. Это просто сон... страшный сон после болезни. И всё будет хорошо.

Эти слова немного успокоили её. Страх внутри начал понемногу отступать.

Аглая ещё раз посмотрела на улицу, а потом вернулась к кровати и снова легла под тёплое одеяло.

На этот раз ей действительно стало легче.

Она лежала молча, глядя в потолок. Мысли постепенно становились тише, веки начали тяжелеть. Через несколько минут Аглая закрыла глаза и уснула.

И в этот раз сон был совсем другим. Тёплым и спокойным. Во сне она будто шла по летнему полю, залитому солнцем, а ветер мягко качал высокую траву.

На её лице появилась едва заметная улыбка.

Со стороны могло показаться, что страшный сон наконец ушёл и больше никогда не вернётся.

Но где-то на самом краю посёлка, за последними избами, где ветер особенно сильно бил в стены и выл в щелях, в своей тёмной избе сидела баба Нюра.

В комнате горели несколько свечей. Их жёлтый свет дрожал по закопчённым стенам, по старым книгам, сушёным травам и странным предметам, лежащим на столе. В печи тихо потрескивали дрова.

На коленях у старухи лежал большой чёрный кот. Баба Нюра медленно гладила его по спине длинными сухими пальцами и едва заметно улыбалась.

Улыбка у неё была странная и не добрая.

Будто она знала что-то такое, чего не знал больше никто.

Старуха смотрела на пламя свечи и тихо проговорила:

— Ну вот... ещё одна...

Кот лениво прищурил глаза, а баба Нюра продолжала гладить его, будто разговаривала не с животным, а с кем-то невидимым.

— Я верная слуга... — прошептала она почти ласково.

Что именно она имела в виду — понять было невозможно.

Но в её голосе звучало что-то пугающее.

Будто она заранее знала всё, что будет дальше.

Будто именно этого и ждала.

Старуха тихо усмехнулась и подняла взгляд к окну, за которым кружила метель.

— Люди всегда одинаковые... — пробормотала она. — Ради любви готовы открыть любую дверь... даже ту, которую нельзя трогать.

Кот вдруг тихо заурчал.

Баба Нюра улыбнулась ещё шире.

Казалось, во всём произошедшем у неё была какая-то своя выгода. Будто спасение Аглаи было нужно не только её семье.

За окном всё так же мела метель. Мороз сковал посёлок, ветер гнал снег по пустым дорогам, а жизнь продолжала идти своим чередом.

Люди топили печи, молились, смеялись, хоронили близких, рождались дети. Всё выглядело так же, как и прежде.

Но где-то глубоко, почти незаметно, в эту жизнь словно вошло что-то чужое, что-то терпеливое.

Будто появился кто-то, кто теперь просто ждал.

Ждал того дня, когда придётся платить по счетам.

После той страшной ночи жизнь в доме Василия словно снова наполнилась светом. Каждый новый день теперь казался ему настоящим подарком. Он просыпался утром, слышал голос Аглаи, её смех, видел, как она помогает матери по дому, и сердце его становилось спокойнее.

Иногда он всё ещё вспоминал слова бабы Нюры, свой тяжёлый сон и ту странную тревогу, которая поселилась в душе после той ночи. Но Василий упрямо отгонял эти мысли.

«Нет», — говорил он сам себе. — «Главное, что дочь жива. Всё остальное — страх и выдумки».

Он всё чаще заставлял себя думать именно так.

Жизнь продолжалась.

По утрам над посёлком поднимался дым из труб, женщины носили воду, мужчины уходили работать, дети бегали по снегу и смеялись. В доме снова пахло хлебом, горячей похлёбкой и сушёными травами.

Аглая с каждым днём становилась всё крепче. На щеках снова появился румянец, глаза ожили, и казалось, будто болезни вовсе не было.

Света не могла нарадоваться дочери. То и дело подходила к ней, поправляла волосы, обнимала без причины и благодарила Бога за её спасение.

Сам Василий тоже будто начал дышать свободнее.

Вечерами они снова сидели всей семьёй за столом. Горела лампа, потрескивали дрова в печи, Аглая тихо смеялась над рассказами отца, а Света качала головой и говорила:

— Ну хватит уже пугать ребёнка своими историями.

— Да она уже не ребёнок, — усмехался Василий.

— Всё равно для меня ребёнок, — отвечала мать, и все начинали смеяться.

И в такие минуты Василию казалось, что всё действительно позади.

Что никакой тьмы нет.

Что Бог просто услышал их молитвы и вернул Аглаю домой.

Он всё сильнее цеплялся за эту мысль, потому что только она позволяла ему жить спокойно.

В тот короткий миг они и правда были счастливы.

И никто из них ещё не знал, какую цену иногда приходится платить за счастье, вырванное у самой судьбы.

Глава 3

Годы шли. Зима сменялась весной, весна — летом, и будто сама жизнь захотела вернуть Василию то, что когда-то едва не отняла у него навсегда.

Аглая выросла красавицей. Высокая, с густыми каштановыми волосами и глубокими глазами, в которых отражалось то самое зимнее небо, под которым отец когда-то молил за её жизнь. В её взгляде иногда появлялась странная печаль, будто память о чём-то далёком всё ещё жила где-то глубоко внутри неё, хотя сама Аглая этого не понимала.

Но росла она, как и все девушки её возраста — весёлая, живая, любящая смеяться. Она помогала матери по дому, любила гулять у реки летом, собирала травы, пела тихо по вечерам у окна. В доме снова давно поселились обычные заботы и радость.

Со временем Василий почти перестал вспоминать бабу Нюру.

Страшная зимняя ночь постепенно растворилась в памяти, словно её никогда и не было. Даже тот сон про тьму и слова о расплате теперь казались ему лишь болезненным страхом прошлого.

Жизнь шла дальше.

Когда Аглае исполнилось восемнадцать лет, к их дому приехал гость — уважаемый помещик из соседнего уезда. Звали его Алексей Дмитриевич.

Он был молод, хорошо воспитан, спокоен и сдержан. Говорил неторопливо, будто каждое слово заранее обдумывал. Приехал он к Василию по делам, связанным с землёй и поставками зерна, но в тот день дела очень быстро перестали быть для него главным.

Потому что он увидел Аглаю.

Она как раз вышла во двор с корзиной белья. Морозный ветер слегка трепал её волосы, щёки покраснелись от холода, а в глазах отражался зимний свет.

Алексей замолчал на полуслове.

Он смотрел на неё слишком долго и сам это понял только тогда, когда Василий усмехнулся:

— Что же вы, Алексей Дмитриевич, будто впервые девушку увидели?

Алексей смутился, но улыбнулся.

— Возможно... такую — впервые.

Аглая отвела взгляд и тоже невольно улыбнулась.

Позже, когда дела были почти закончены, Алексей всё же подошёл к ней сам.

— Не замёрзли? — спросил он, остановившись рядом.

— Немного, — ответила Аглая с лёгкой улыбкой. — Но я привыкла к нашим зимам.

— А мне кажется, у вас даже мороз теплее.

Она тихо рассмеялась.

— Это вы просто из вежливости говорите.

— Нет, — серьёзно ответил Алексей. — Я редко говорю то, чего не думаю.

После этих слов между ними будто исчезло смущение.

Они долго разговаривали. Сначала о погоде, о зиме, о соседних деревнях, потом разговор сам собой стал легче и живее. Аглая неожиданно поймала себя на мысли, что ей спокойно рядом с этим человеком.

Алексей слушал её внимательно, смотрел мягко и так, будто для него вокруг больше никого не существовало.

И именно в тот момент, когда Аглая на секунду отвернула голову к окну, она вдруг увидела это.

На стекле мелькнула чёрная рука, та самая. Будто из пепла.

Она появилась всего на миг — и сразу исчезла.

Аглая резко побледнела и отшатнулась.

Сердце сильно ударило в грудь.

Она уже почти забыла тот страшный сон. Годы прошли спокойно, и ей казалось, что всё осталось далеко позади.

Но почему тогда это снова появилось именно сейчас?

— Аглая? — сразу встревожился Алексей. — Что случилось?

Она быстро перевела дыхание.

— Ничего... всё хорошо.

— Вы испугались.

— Просто... показалось.

Алексей нахмурился.

— Что именно?

Аглая на секунду замолчала, потом вдруг заставила себя улыбнуться.

— Паук, наверное. Мне померещилось.

Алексей посмотрел на окно, потом снова на неё.

— Зимой?

Она тихо рассмеялась, стараясь скрыть тревогу.

— Вот видите, значит точно показалось.

Он всё ещё выглядел обеспокоенным, но больше расспрашивать не стал.

Через некоторое время Алексей снова вернулся к разговору с Василием. Они обсуждали дела, землю и предстоящую весну, но мысли его постоянно возвращались к Аглае.

Он всё чаще ловил себя на том, что смотрит только на неё.

Когда пришло время уезжать, Алексей долго прощался, будто не хотел уходить.

Он поцеловал руку Свете, поблагодарил Василия за гостеприимство, а потом снова посмотрел на Аглаю.

И этот взгляд она запомнила надолго.

В нём было что-то тёплое и настоящее.

Будто с его приездом в её жизнь пришло нечто важное.

Но когда Алексей уже садился в сани, Аглая вдруг снова невольно посмотрела на окно дома.

И ей на миг показалось, будто в отражении снова мелькнула тёмная тень.

С того дня Аглая улыбалась чаще. Она всё чаще ловила себя на том, что вспоминает голос Алексея, его спокойный взгляд, то, как внимательно он её слушал. Иногда, помогая матери по дому или сидя вечером у окна, она вдруг начинала улыбаться сама себе, вспоминая их разговор.

Но вместе с этим её не отпускала тревога. Та тень за окном и та самая рука.

Столько лет прошло с тех пор, как она видела её во сне после болезни, и вот теперь это снова вернулось. Аглая старалась убедить себя, что ей просто показалось, но внутри всё равно оставался неприятный холод.

Иногда она долго смотрела в окно, будто проверяя, не появится ли там снова что-то чужое и тёмное.

Ей очень хотелось рассказать обо всём матери или отцу, но она понимала — они начнут переживать. Особенно отец. Аглая слишком хорошо знала, как сильно он её любит.

«Нет», — решила она. — «Нужно просто забыть».

Но забыть не получалось.

Потому что то, что она увидела, казалось слишком настоящим.

И всё же постепенно её мысли снова возвращались к Алексею, и это помогало. Воспоминания о нём словно вытесняли страх.

Василий начал замечать странности в поведении дочери. Иногда она сидела задумчивая и счастливо улыбалась, а уже через минуту настороженно смотрела в окно, будто чего-то ожидала.

Это беспокоило его.

Однажды вечером он всё-таки подошёл к ней. Аглая сидела возле окна с шитьём в руках, но почти не работала — мысли её были где-то далеко.

Василий присел рядом и внимательно посмотрел на дочь.

— Что с тобой, Аглашенька? — мягко спросил он. — В последнее время ты сама не своя. Аглая смутилась и опустила глаза.

— Всё хорошо, папа.

— Нет уж, я тебя знаю. То улыбаешься сидишь, будто счастье какое случилось, то смотришь в окно так, словно там волк ходит.

Она невольно рассмеялась.

— Не волк.

— Тогда рассказывай.

Аглая немного помолчала, а потом тихо призналась:

— Я... вспоминаю Алексея Дмитриевича.

Василий сразу улыбнулся.

— Вот оно что.

Аглая смущённо отвела взгляд.

— Наверное, глупо это звучит...

— Ничего не глупо, — спокойно ответил он. — Он хороший человек.

Она подняла глаза.

— Правда?

— Правда. Мне он тоже понравился. Умный, спокойный, воспитанный. И смотрел на тебя так, будто кроме тебя никого вокруг не видел.

Аглая покраснела ещё сильнее.

— Папа...

Василий тихо усмехнулся.

— Думаешь, я старый и ничего не замечаю?

Она улыбнулась уже искренне и легко, и Василию сразу стало спокойнее.

В этот момент дверь открылась, и в комнату вошла Света.

— Василий, письмо пришло, — сказала она, держа в руках конверт.

Василий удивлённо поднял брови.

— Письмо?

— Да. От какого-то господина.

Аглая сразу замерла.

Василий взял конверт, посмотрел на аккуратный почерк и едва заметно улыбнулся.

— Ну надо же... от Алексея Дмитриевича.

Аглая почувствовала, как сердце забилось быстрее.

Василий осторожно вскрыл письмо и начал читать.

В письме Алексей Дмитриевич писал, что на следующей неделе собирается вновь приехать к ним в гости. Но на этот раз не один, а вместе со своими родителями. В конце письма он отдельно добавил, что ему будет необходимо серьёзно поговорить с Василием Ивановичем.

Как только Василий дочитал последние строки, в комнате повисла тишина.

Света первой посмотрела на мужа и едва заметно улыбнулась.

— Ну... кажется, всё понятно.

Василий тоже усмехнулся в усы и сложил письмо.

— Похоже на то.

Аглая сидела тихо, стараясь выглядеть спокойно, но сердце у неё колотилось так сильно, что ей казалось — это слышат все вокруг.

Она снова увидит Алексея.

От одной этой мысли внутри становилось тепло.

Света сразу оживилась.

— Так, времени у нас немного. Нужно всё подготовить как следует.

— Конечно, — кивнул Василий. — Люди они уважаемые. Надо встретить достойно.

— Скатерть новую достану, — начала перечислять Света. — Посуду хорошую поставим.

Нужно пирогов напечь, мясо приготовить...

— И дом привести в порядок, — добавил Василий.

Аглая слушала их и невольно улыбалась.

— Может, он просто по делам снова едет, — тихо сказала она, стараясь скрыть смущение.

Света сразу рассмеялась.

— Конечно, по делам. И родителей своих по делам везёт.

Даже Василий усмехнулся.

— Аглашенька, мы с матерью не вчера родились.

Аглая закрыла лицо ладонями от смущения, а родители только ещё больше рассмеялись.

Но в глубине души она и сама всё понимала.

С того дня весь дом словно ожил ещё сильнее. Целую неделю только и разговоров было, что о приезде гостей. Света с утра до вечера хлопотала по дому, перебирала посуду, проверяла запасы, придумывала, что приготовить к столу.

Василий тоже старался, чтобы всё выглядело достойно. Во дворе навели порядок, почистили дорожки от снега, поправили забор.

Аглая помогала матери, но мысли её всё время были далеко.

Она ловила себя на том, что считает дни до приезда Алексея.

Иногда вечером подходила к окну и смотрела на дорогу, занесённую снегом, представляя, как через несколько дней там снова покажутся сани.

Её сердце наполнялось тихим счастьем.

И даже тревожные воспоминания о странной тени будто начали отступать на второй план.

Теперь Аглая ждала только одного дня.

Дня, когда снова увидит Алексея Дмитриевича.

И вот наконец настал тот самый день, которого все так ждали.

С самого утра в доме стояло волнение. Света ещё затемно поднялась, проверяла стол, поправляла скатерть, несколько раз заглядывала в печь. Василий выходил во двор, смотрел на дорогу и будто сам себе повторял, что всё должно пройти хорошо.

Аглая тоже волновалась, хоть и старалась этого не показывать. Она долго собирала волосы, несколько раз поправляла платье и всё время ловила себя на мысли, что сердце у неё бьётся слишком быстро.

Когда во дворе наконец послышались голоса и скрип саней по снегу, Света тут же перекрестилась.

— Приехали...

Василий быстро надел кафтан и вышел вместе с женой встречать гостей.

У крыльца уже стояли Алексей Дмитриевич и его родители. Мороз раскраснил всем щёки, от дыхания поднимался пар.

— Добро пожаловать, — тепло сказал Василий, пожимая руку Алексею и его отцу.

— Благодарим за приглашение, — вежливо ответил отец Алексея.

Света сразу засуетилась:

— Проходите скорее в дом, на улице холод страшный.

Гости вошли внутрь, стряхивая снег с шуб. В доме было тепло, пахло пирогами, свежим хлебом и яблоками.

Все расселись за столом. Сначала разговор шёл спокойно и сдержанно — о погоде, дороге, хозяйстве, соседних уездах.

А потом в комнату вошла Аглая.

Она слегка смущённо поздоровалась и опустила глаза.

Мать Алексея почти сразу переглянулась с мужем.

Красота девушки действительно бросалась в глаза, но ещё сильнее чувствовались её скромность и мягкость.

— Очень приятно познакомиться, Аглая Васильевна, — ласково сказала женщина.

— И мне приятно, — тихо ответила Аглая.

Алексей всё это время не мог отвести от неё взгляд.

За столом разговор постепенно становился живее. Родители Алексея всё чаще обращались именно к Аглае.

— А хозяйство вести умеете? — с доброй улыбкой спросила мать Алексея.

Света тут же оживилась раньше дочери:

— Да у нас Аглая всё умеет. И готовит, и пьёт, и вышивает. Она у нас мастерица на все руки.

Аглая смущённо улыбнулась.

— Мама...

— А что мама? Правду говорю.

Отец Алексея тоже с интересом расспрашивал:

— Читать любите?

— Люблю, — тихо ответила Аглая. — Особенно вечерами.

— А петь умеете?

Света снова вмешалась:

— Ещё как умеет.

Алексей тихо засмеялся и незаметно толкнул локтем отца.

— Не устраивайте ей допрос.

Все за столом рассмеялись, а Аглая покраснела ещё сильнее.

— Алексей Дмитриевич прав, — сказала она, едва улыбаясь. — Вы меня совсем засмущали.

— Ну так это хороший знак, — усмехнулся Василий.

Тёплая атмосфера постепенно сделала всех ближе друг к другу. Смех за столом звучал всё чаще.

Спустя некоторое время Алексей, его отец и Василий поднялись из-за стола и ушли в соседнюю комнату для более серьёзного разговора.

Женщины остались одни.

Света почти сразу достала аккуратно сложенные скатерти и салфетки.

— Вот, посмотрите, это всё Аглая вышивала.

Мать Алексея с интересом взяла одну из работ в руки.

— Какая тонкая работа... очень красиво.

Аглая сидела рядом у окна и смущённо улыбалась.

— Да что вы...

— Нет-нет, — тепло сказала женщина. — Сейчас редко встретишь такую девушку. И скромная, и добрая, и рукодельница.

Света довольно улыбнулась, а Аглая только сильнее опустила глаза от смущения.

Но в глубине души ей было очень тепло от этих слов.

Потом, когда из соседней комнаты наконец вышли Алексей, его отец и Василий Иванович, по их лицам сразу стало понятно — разговор прошёл хорошо. На всех были улыбки, даже Василий выглядел непривычно спокойным и довольным.

Света сразу всё поняла и только украдкой перекрестилась, стараясь скрыть радость.

Алексей подошёл к Аглае. В комнате уже стало тише, огонь в лампе мягко дрожал, а за окнами кружил снег.

— Спасибо вам за этот вечер, Аглая Васильевна, — сказал он негромко. — И... вы сегодня были особенно прекрасны.

Аглая подняла на него глаза и почувствовала, как снова начинает смущаться.

— Я тоже рада была вас видеть, Алексей Дмитриевич.

Он улыбнулся чуть теплее.

— Мне кажется, я теперь буду искать любой повод приехать сюда снова.

Аглая тихо засмеялась.

— Тогда вам придётся очень часто придумывать поводы.

Они ещё долго стояли у окна и разговаривали. Сначала о книгах, потом о стихах, которые любил Алексей, о зиме, о музыке, о разных мелочах, которые неожиданно делали людей ближе.

Аглая слушала его голос и понимала, что всё сильнее привязывается к нему. С ним было спокойно. Рядом с ним она забывала тревоги.

И именно в этот момент она случайно повернула голову к окну.

И снова увидела её.

Ту самую руку.

Тёмную, словно покрытую пеплом.

Она мелькнула за стеклом и исчезла.

Аглаю мгновенно бросило в жар. Сердце сжалось так резко, что ей показалось — она сейчас выдаст себя взглядом.

Но почти сразу в голове будто прозвучал шёпот:

— Не подай вида...

Она резко перевела взгляд на Василия и заставила себя улыбнуться.

И ей удалось.

Алексей ничего не заметил.

Спустя некоторое время гости начали собираться домой. Все долго прощались у двери, благодарили за вечер, обещали увидеться совсем скоро.

Когда сани скрылись за снегом и дом снова затих, в комнатах ещё долго стоял запах чая, выпечки и печёных яблок.

Аглая подошла к окну. За стеклом медленно кружились редкие снежинки.

Василий молча смотрел на дочь, и сердце его вдруг сжалось от странного чувства — счастья и тревоги одновременно.

— Папа, — тихо спросила Аглая, не отводя взгляда от окна, — он сегодня попросил твоего согласия? О чём вы говорили? Почему ты мне ничего не рассказываешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.